

ТЕМА СКОРБЯЩЕЙ МАТЕРИ В ПОЭМЕ "РЕКВИЕМ" А.АХМАТОВОЙ

Хасанов Озод Сайфуллоевич

Самаркандский государственный университет
факультет русская филология 201 группа магистрант

Аннотация: В статье С.В.Бурдиной выявляются некоторые закономерности моделирования хронотопа в «Реквиеме» Ахматовой; доказываем, что и время, и пространство поэмы организовано специфическим образом – парадоксально. Во-первых, будучи максимально разомкнутыми, открытыми, художественное время и художественное пространство «Реквиема» оказываются одновременно и предельно спрессованными, уплотненными. Во-вторых, если прошедшее время в поэме предстает как динамичное, стремительно развивающееся, то настоящее может быть охарактеризовано как статичное, застывшее, неподвижное. Ощущение стремительности движения времени и – одновременно – его неподвижности, статичности, художественно воплощенное в «Реквиеме», было самым устойчивым ощущением эпохи сталинских репрессий. Обе тенденции окончательно закрепляют представление о системе времени пространства «Реквиема» как об уникальной.

Ключевые слова: поэма; автор; образ культуры; архетип; художественное время; художественное пространство; контекст.

ВВЕДЕНИЕ

Как и в этом стихотворении 1937 года, введение каждого временного потока мотивируется в

«Реквиеме» соответствующим «обликом» автора. Каждому из авторских «двойников» соответствует в семантическом Q-поле поэмы свое время и свое пространство, каждый высвечивает свой фрагмент истории, выхваченный из вечности. При этом временные потоки, представленные в поэме скорее как параллельные, не связанные хронологически, оказываются в глубокой внутренней связи друг с другом.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Так, трагическое *настоящее страдающей матери* соотносится (и совпадает) с *библейским прошлым – временем вечным* (или надвременным началом), а также с *прошлым историческим* – с эпохой средневековья, но противопоставлено по контрасту *прошлому лирической героини* – времени царскосельской молодости автора. Есть в поэме и *будущее* время – «небывшее»,

лишь гипотетически возможное, которое ассоциируется автором с наступлением справедливости.

Заметим, что при выявлении специфики художественного времени «Реквиема» традиционные принципы подхода к его характеристике «не срабатывают». И это естественно. О какой хронологии и о какой логике можно говорить, если временные потоки поэмы, развиваясь параллельно, не пересекаясь, тем не менее совпадают, как бы накладываясь друг на друга. В контексте поэмы совпадают даже максимально удаленные друг от друга временные пласты библейского прошлого и «небывшего» будущего: оба этих потока ассоциируются в поэме с неким надвременным началом. Так создается Ахматовой, с одной стороны, эффект необычайной временной разомкнутости, протяженности, открытости, с другой же – эффект необычайной уплотненности времени, его предельной сжатости.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Парадоксально организованная картина художественного времени закрепляется всей системой образов поэмы. Речь идет не только об образах-двойниках героини – культурных «зеркала», которые призваны актуализировать параллелизм временных потоков. Так, остановившееся Апокалиптическое время передается, в частности, с помощью образа звезды, которая

«...в глаза глядит / И скорой гибелью грозит», как и те «звезды смерти», которые «стояли над нами». Большинство образов поэмы отмечены

«знаком» времени *вечного*: это и «звезда полярная», и «ночи белые», и «следы куда-то в никуда», и «горячая слеза». Это, естественно, и все библейские образы поэмы: «великой реки», «креста высокого», смерти.

Подобным, парадоксальным, образом оказывается организованным в поэме и пространство.

Сущность художественного пространства «Реквиема» в полной мере можно представить лишь обратившись к поэтическим «двойникам» автора – историческим и культурным его «зеркала». Обусловленность принципов оформления пространства (линии горизонтали) «историко-географической» спецификой облика автора заявлена здесь достаточно прямо. Два центральных локуса «Реквиема» – это Кресты, тюрьма в Ленинграде, где «под красною, ослепшею стеной» героиня «стояла... триста часов», и – дом, где происходит прощание с сыном и последняя схватка смерти и безумия. Оба эти локуса связаны с настоящим временем поэмы. Но за зловещим настоящим, за «кровавой пленкой сталинского режима зияет глубинная историческая ретроспектива – из Ленинграда, Царского Села уводящая в допетровскую Русь и далее – к истокам

крестной христианской мистерии» [Кублановский 1992: 160]. Так что пространство «Реквиема» – это также и Москва, и Дон, и Енисей, и Нева.

По воспоминаниям Э.Герштейн, во время свидания в тюрьме Л.Н.Гумилев, уже прощаясь с матерью, процитировал именно эти, выписанные его отцом на фотографии, строки Блока [Герштейн 1993: 145], напомнив таким образом и о других – принадлежащих Н.Гумилеву. Без сомнения, прав Р.Тименчик, утверждая, что «блоковская цитата в устах заключенного Л.Гумилева была цитатой и из его отца» [Тименчик 1994: 215]. Этот факт как раз и помогает понять, почему образ Н.Гумилева возникает в поэме Ахматовой именно через блоковский контекст, почему колыбельная «Реквиема», будучи тесно связанной со стихотворением Блока «Мы, самруг, над степью в полночь встали...», заканчивалась упоминанием о Гумилеве: «Муж в могиле, сын в тюрьме...», соединяя к тому же в едином контексте судьбу отца и сына.

Можно было бы считать этот ахматовский «отклик» достаточно полемичным по отношению к Блоку, если бы не совпали поэты в другом, безусловно более принципиальном. Вслед за Блоком (и вслед за Некрасовым) Ахматова отводит матери самое незаметное место в организованном ею лирическом пространстве. Страдания матери сокрыты ото всех, слезы ее не видны никому.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ощущение стремительности движения времени и – одновременно – его неподвижности, статичности, художественно воплощенное в «Реквиеме», было самым устойчивым ощущением эпохи сталинских репрессий, когда рушились привычные представления, распадалась естественная и предсказуемая связь времен и явлений. Обе названные тенденции окончательно закрепляют представление о системе времени-пространства «Реквиема» как об уникальной, специфической.

ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блок А.А. Собрание сочинений: В 6 т. Т.3. М.: Правда, 1971.
2. Герштейн Э. Лишняя любовь. Сцены из московской жизни // Новый мир. 1993. № 12. С.139-174.
3. Кублановский Ю. О «Реквиеме» Анны Ахматовой // Волга. 1992. № 11-12. С.158-164.
4. Лукницкий П.Н. ACUMIANA. Встречи с Анной Ахматовой: В 2 т. Т.2. 1926–1927. Париж, М.: YMSA-PRESS, 1997.
5. Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. Т.1. М.: Худож. лит., 1990.
6. Тименчик Р. К генезису ахматовского «Реквиема» // Новое лит. обозрение. 1994. № 8. С.215-216.